

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-9-40
УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907)

А.Л. Соболев

Аннотация: Дневниковые записи 1894–1895 гг.: литературные и научные занятия, чтение, театр; регулярные беседы с П.Г. Виноградовым, посещение дома Гольденвейзеров; рефлексия своего чувства к М.Б. Гольденвейзер, стихотворное выражение своих настроений. В записи 1906 (или 1907) г. Гершензон пытается размышлять о том, как «правильно во всем объеме почувствовать вопрос [о смысле] своей жизни».

Ключевые слова: Михаил Гершензон, дневник, Мария Гольденвейзер, стихи Гершензона, литературная жизнь рубежа XIX–XX вв.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Отношения историка с собственным дневником предполагают степень интимности, труднодостижимую для представителей иных профессий – ибо только он в полной мере способен представить, какое эхо разойдется в веках от его поденных записок. В нем действуют, отчасти противоборствуя, чувство ускользающего времени, желание письменно перепроверить попутный извив мысли, тяга всмотреться в свое эпистолярное отражение и, быть может, не в последнюю очередь – сочувствие к будущему коллеге: и все это с оглядкой на кажущееся неизбежным грядущее обнародование текста.

На фоне гомерического по объему эпистолярия Гершензона его дневниковые записи почти лаконичны и хронологически разрознены. Вряд ли мы сможем в обозримом будущем достоверно определить, произошло ли это вследствие добровольного изъятия фондообразователем части документов из на диво сбереженного архива, либо автор обращался к жанру лишь в отдельные периоды жизни. В любом случае, при взгляде на его сохранившийся дневниковый комплекс, становится очевидным, что маркирует он в основном ключевые моменты внутренней и внешней биографии Гершензона – с большими перерывами на сравнительно спокойные годы. Особенно в этом

отношении замечателен ранний дневник, объемлющий два жизнеопределяющих эпизода: начало отношений с Марией Борисовной Гольденвейзер, которая почти десятилетие спустя станет его женой, и, хронологически почти одновременное, постижение собственной научной миссии.

В середине 1890-х годов, с окончанием университета и погружением в угрюмый мир гуманитарной поденщины (фанатически работоспособный Гершензон содержал своими переводами и компиляциями фактически три семьи: родителей, брата и себя самого), в нем аккумулируется особенная русско-еврейская витальность, находящая до поры выход лишь на дневниковых страницах: «Я бесповоротно, на всю жизнь писатель и знаю, что во мне есть какая-то могучая сила. Если бы только жизнь не помешала мне сделаться тем, чем я могу быть! Быть пророком света и радости — вот чем я хотел бы быть; жизнь так хороша, так полна прелести и поэзии, а в людях столько тьмы и злобы. Среди этих близоруких людей, идущих ощупью, я чувствую себя как человек из другого мира, как свежий варвар в императорском Риме»¹; и далее: «Мой час придет; я скажу людям свежее, молодое слово, скажу им, как хороша жизнь, потому что они забыли это, и скажу им, что одна есть дорога — к свету, одна цель — счастье всех и наслаждение этой красотой. Я слишком отличен от них, слишком свеж сравнительно с ними — я не могу ошибиться в этом. Я между ними как полудикий германец в изнеженном, рафинированном Риме времен империи».

На соседних страницах видны зерна и ростки, из которых прозябнут его классические работы 1900-х: собственно, провиденциальный переход от античных сюжетов к изучению истории новой русской литературы совершается именно в это время. В одной из записей, чуть не обмолвкой, он набрасывает план, выполнение которого (и то неполное) займет у него ближайшие четверть века: «Вообще, я хотел бы написать ряд этюдов о русских писателях, например о наших первых драматургах, напр[имер] об Озере, затем о поэзии Державина, о поэзии Нахимова и его сверстников, о Батюшкове, Баратынском, Козлове и, *sit venia verbo*², о Пушкине».

Фрагменты дневника Гершензона объединены в архивные единицы почти хаотично — что потребует внушительной ревизии корпуса, когда большая их часть окажется введена в оборот. Ниже я печатаю

¹ Здесь и далее включенный в настоящую публикацию материал цитируется без ссылок.

² Да позволено мне будет сказать (*лат.*).

два из них, вероятно, случайно оказавшихся в одной папке – череду записей осени 1894 – весны 1895 года и одно обширное рассуждение 1906/1907 года. Ни почерк автора (не менявшийся на протяжении всей жизни), ни письменные принадлежности (к которым он был почти равнодушен) не позволят нам датировать второй фрагмент точнее – наша же атрибуция основывается на словах о 37-летию автора и упоминании собаки Зорьки, которая убежала из дома во время его отсутствия в мае 1907 года и с тех пор так и не нашлась. В этой же единице лежит фрагмент публичной лекции «Кризис современной культуры», прочитанной Гершензоном в Киеве в 1917 году; по белой рукописи он был опубликован¹; нами он опущен. Тексты печатаются по автографу: РГБ. Ф. 746. Карт. 13. Ед. хр. 6. Второй фрагмент представляет собой густо правленный и перечеркнутый черновик; вероятно, его онтологический статус был пограничным между дневниковой записью и наброском статьи.

Пользуюсь случаем принести благодарность Д.В. Базановой, И.Р. Петрову и Л.И. Соболеву.

ДНЕВНИК 1894 – 1895 гг.

6 окт. 1894 г. Четв. 1 ч. ночи.

Только что вернулся из театра. Шла М-me Sans-Gêne Сарду², не

¹ См.: *Гершензон М.О.* Кризис современной культуры // *Минувшее. Исторический альманах.* М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 232–248 (публ. В. Проскуриной и В. Аллоя).

² Историческая комедия (1893; рус. перевод – 1894) французского драматурга Викторьена Сарду (1831–1908). В Москве была поставлена в 1894 г. в театре Ф. Корша (цензурное разрешение 7 августа 1894 г.; премьера 16 сентября 1894 г.); шумная история этой постановки попала в стихи: «В газетах вьются слухи, вести, / Что Корш затратил... тысяч двести, / Чтоб раздобыть «Мадам Сан-Жен». / Но метр Сарду Викториен / Не отдал пьесы для печати, – / Чтоб не стажили пьесу тати, – / Свою «Мадам» берег Сарду. / Но Корш в таких делах неистов: / Он шлет в театр стенографистов. / Они, за маленькую мзду, / Текст записали, и с добычей / (Хоть не соблюл он всех приличий) / Корш возвращается в Москву. / Сарду вопит в парижской прессе, / Но Корш с «Мадам» летит в экспрессе, – / И все готово к торжеству» (*Lolo* [Мунштейн Л. Г.]. *Москва далекая...* // *Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в поэзии русской эмиграции.* М., 2005. С. 68). Главную роль сыграла Л.Б. Яворская. Полный список актеров, участвовавших в первых представлениях, см. в изд.: *Сарду В., Моро Э. Madame Sans-Gêne.* Перевод Ф.А. Корша. М., 1909. Информационная заметка о спектакле, на кото-

шла, а хромала. Хорош был только Светлов в роли Фуше¹. Наполеон был очень плох². Мы были в холостой ложе – Маклаков, Черняев, Чупров, Гольденвейзер, Цингер³ и я. Маклаков и я были под влиянием имени и образа Наполеона. Сцена, где M-me Sans-Gêne напоминает ему о неуплоченном счете, где он вспоминает время своей неизвестности и бедности⁴ – сильно подействовала на нас. В последние годы много пишут и говорят о Наполеоне – не потому ли, что дряблые, не имеющие цели люди этого поколения охотно читают и слушают о последнем герое, которого видела Европа⁵, о последнем человеке цельном, обладавшем гигантской энергией, поставившем себе определенную и великую цель – какова бы она ни была. Наполеон был последний герой Европы, – не удивительно, что память о нем свежее, и когда есть потребность в героическом, – вспоминают именно

ром побывал Гершензон: Русские ведомости. 1894. № 276. 6 октября. С. 4. Ср. в его письме брату от 10 октября 1894 г.: «В четверг, как ты знаешь, был я в первый раз в театре – у Корша, на Mme Sans-Gêne Сарду, ради Наполеона, который там фигурирует. Пьеса очень эффектная и смотрится с интересом, но играли плохо. Мы были в «холостой» ложе – Маклаков, Гольд[енвейзер] и несколько других» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 3–3 об.; расшифровку имен спутников см. ниже в прим. 3).

¹ Светлов Николай Владимирович (?–1909).

² Наполеона играл Александр Михайлович Яковлев (?–1905). Ср., кстати, противоположное мнение о постановке: «Л.Б. Яворская в пору знакомства с Чеховым играла в московском театре Корша. Это была красивая, изящная женщина и не блестящая, но весьма и весьма интересная комедийная актриса. Благодаря ей и талантливой игре Яковлева (Наполеон) известная пьеса Сарду «Мадам Сан-Жен» при первой ее постановке в Москве прошла у Корша свыше ста раз в одном сезоне. Вся Москва бегала смотреть «Мадам Сан-Жен». И действительно, Катрин Юбше в исполнении Яворской и Наполеона в исполнении Яковлева стоило и стоило посмотреть» (*Лазарев-Грузинский А.С.* А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 110).

³ Близкий приятель Гершензона Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957); Николай Владимирович Черняев, ближайший друг последнего; выбивающийся по возрасту из этой компании профессор-экономист Александр Иванович Чупров (1842–1908; факт их знакомства подтвержден наличием письма Чупрова в гершензоновском архиве: РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 43); друг Гершензона (и будущий его шурин) Николай Борисович Гольденвейзер (1871–1924); Александр Васильевич Цингер (1870–1934).

⁴ Имеется в виду шестое явление третьего действия (*Сарду В., Моро Э.* Madame Sans-Gêne. С. 60–64).

⁵ Против этих строк на полях рукою автора написано: «Гарибальди!».

о нем. Скоро станут вспоминать и о других, интерес к героическому будет расти по часам¹.

В театре узнали мы новый бюллетень государя². Дело плохо — «события надвигаются», говорит Маклаков.

В театре была и семья Льва Толстого; им уступила ложу фрейлина Ермолова³ на том основании, что ей неловко быть в театре, когда не сегодня-завтра можно ожидать смерти государя. Младший сын Толстого, Андрей, — лицеист, а дочь, Марья Львовна⁴, была в модном костюме — мужская манишка с длинным галстуком! У Философовой⁵, которая была с ними, умное лицо и прекрасный профиль, но лицо красное.

7 окт. Пятн., 12 ч.у.

Сейчас вернулся от Виноградова⁶. Читали утренние телеграммы и говорили о грядущих событиях. Я говорил: «Это будет интересно», — он отвечал: «Это будет тяжело. Начнется метание из стороны в сторону, время капризов, либеральных позывов и господства женщин — со всеми последствиями», и рассказывал, какие тяжелые минуты переживал всякий мыслящий человек в террористическую эпоху 1880-83 при ежедневных известиях о покушениях и казнях.

¹ В этих словах — явный след чтения Т. Карлейля, произведшего на Гершензона исключительно сильное впечатление; ср. в письме к жене от 21 мая 1913 г.: «Вообрази, что Семевский, по словам Сакулина, называет меня: “ваш Московский Карлейль”»; не знаю, иронически или нет, но какова интуиция! Я ведь правда никогда не спускаю глаз с Карлейля. А если бы ты знала историю его женитьбы и семейной жизни, ты была бы очень удивлена сходством с нами, со мною» (РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 22. Л. 2–2 об.).

² В начале октября 1894 г. здоровье угасавшего в Ливадии Александра III было предметом ежедневных новостей. 6-го октября распространялась телеграмма от 11 часов предыдущего вечера: «В состоянии здоровья Государя Императора замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличились». Вечером 6-го был опубликован текст от 19-ти часов: «В состоянии здоровья Государя Императора перемены нет» (Московские ведомости. 1894. № 275. 7 октября. С. 2).

³ Екатерина Петровна Ермолова (1829–1910) — писательница и благотворительница; давняя знакомая Толстого.

⁴ Андрей Львович Толстой (1877–1916) и Мария Львовна Толстая (1871–1906).

⁵ Вероятно, Софья Николаевна Толстая (урожд.: Философова; 1867–1934) — жена И.Л. Толстого.

⁶ Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) — историк, научный руководитель Гершензона, оказавший на него чрезвычайное влияние.

Говорили о Тэне¹. Виногр[адов] говорит, что никогда не увлекался им ни как ученым или мыслителем, ни как писателем. На мои слова, что Тэн велик именно не как ученый, а как писатель, он тремя словами метко определил главный недостаток его слога: «Этот слог», — сказал он, — «слишком однообразно-сочен». Я понимаю, что это качество, действительно скверное, должно быть особенно противно Виноградову, строгий ум которого рождает суровый язык — язык без улыбки. Из исторических писателей я сам больше всего люблю тех, чей язык суров и тверд, как из мужских лиц больше всего люблю лица с мужественными и сильными чертами, как у Маклакова. Фукидида, Ранке и Моммсена я люблю больше, чем Ксенофонта, Маколя и Герье². И как прекрасна улыбка и волнение на этих мужественных лицах! Четыре слова Ранке после рассказа о казни Карла I — *das Leben war vor her*³ — стоят целой филиппики Мишле⁴. Какой-то грек сказал о Фукидиде по поводу его рассказа о Килоне: *ὁ λέων ἐγέλασε*⁵. Какая поэзия в этих словах — и в этой улыбке льва!

¹ Ипполит Тэн (1828–1893) — критик, публицист и философ, благодаря доходчивому блеску своих работ, бывший весьма популярным в Европе и России рубежа веков. Гершензон не избежал общего увлечения — так, организуя душевное развитие своей будущей жены, он советует ей три книги: «Этюды» Тэна (особенно классический этюд о Бальзаке), «Новые веяния» Брандеса и «Современную психологию» Поля Бурже» (письмо от 6 июня 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 21. Ед. хр. 12. Л. 7-8 об.). Позже Гершензон перевел биографию Тэна.

² Профессор Московского университета Владимир Иванович Герье (1837–1919), курс новой европейской истории которого прослушал Гершензон, был научным руководителем П.Г. Виноградова.

³ «Жизнь была закончена» (нем.); см.: *Ranke L. von. Historische Meisterwerke*. Bd. 33. Wien; Hamburg; Zürich, [1930?]. P. 481. Гершензон в свое время готовил материалы для очерка Виноградова о Ранке (Русская мысль. 1888. № 4. II паг. С. 213–224).

⁴ Жюль Мишле (1798–1874) — классик французской «романтической историографии».

⁵ Неточно цитируется (в оригинале: «Здесь лев засмеялся») реплика древнего схоласта по поводу нехарактерного для Фукидида стиля его рассказа о мятеже Килона (подробности см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 91).

13 окт. Четв. 8 ч. веч.¹

18 окт. Вторн. 1 ч. н.

Сегодня с 9 до 2 час. читал у Фойгта² о Петрарке и пытался угадать ту *idée general*, из которой с одинаковой необходимостью вытекали бы и тщеславие Петрарки и несомненная у него любовь к классикам, к природе, к человеку³. Потом писал для Словаря, между прочим о Твардовском, который обречен до Страшного Суда висеть между небом и землей⁴, — а в 7 час. отправился на заседание комиссии воскресных чтений, у Елиз. Ив. Цветковой, на Садовой ул.⁵ Там

¹ Первая дата обедедена чернилами. К какой из них относится печатаемая запись — непонятно.

² Фойгт (Фогт) Георг (1827–1891) — немецкий историк. Гершензон, вероятно, имеет в виду его главную книгу «Die Wiederbelebung des classischen Alterthums»; первое русское издание: *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма. Пер И.П. Рассадина. Т. 1–2. М., 1884–1885.

³ Гершензон с середины 1890-х годов занимался Петраркой и переводил его (ср., напр., в письме брату 10 янв. 1895 г.: «[...] последние 3–4 недели, в то время, как я был занят Петраркой, — я ничего не делал у Виногр[адова], только приходил к нему раза два в неделю поболтать» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 3); «Да, еще я хотел написать тебе насчет Петрарки. [...] Я писал его с наслаждением, но скрежетал зубами от поспешности, с которою приходилось писать. Когда сдам в печать соч[инение], неделю буду заниматься Петраркой — хочу прибавить еще целую главу» (письмо родным от 20 янв. 1895 г. // Там же. Л. 11–11 об.) и мн. др. Его работы лишь отчасти учтены в: Франческо Петрарка. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1986.

⁴ Вероятно, имеется в виду неподписанная (по обычной для этого издания практике) заметка «Твардовский, пан» для «Энциклопедического словаря Гранат», с которым Гершензон активно сотрудничал (Настольный энциклопедический словарь. [Т. 8]. М. 1895. Стр. 4721 [так! в первом издании пагинация сквозная]). Ср. к стати в письме Гершензона брату от 10 октября 1894 г.: «В Словаре, как уже писал тебе, заработал каторжным трудом 38 р. 6 коп. — написал на 25 с. с лишним, а за редакторскую работу, прочитав, поправив и переделав 1300 строк, получил 13 руб. Если бы это время употребил на писание, то заработал бы в три раза больше. В субботу же я и отказался от редактирования. Теперь взял около 100 слов рублей на 100. Буду писать по мере возможности» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 2).

⁵ Елизавета Ивановна Цветкова (?–1911) — организатор первой частной женской школы в Москве. О ней см.: *Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 420–428. Ее адрес — Садовая-Триумфальная, собственный дом.

пробыл два часа. Вынес отличное впечатление. За исключением Костроминой, которая ломается¹, все остальные учительницы — их было 6–7 — и Цветкова показались мне скромными и дельными людьми. Обсуждали вопрос, разрывать ли связь с харьковской комиссией²; я высказал свою мысль, и они одобрили ее. Вообще, я чувствовал себя легко, хотя все были незнакомы и женщины; все вместе было очень симпатично.

Оттуда в 10 час. завернул к Гольденвейзерам, и застал гостей: Клара Матвеевна Маркузе, ее сестра с мужем и проч³. Эта самая Клара очень хороша собою, превосходно сложена и, главное, жизнь бьет из нее ключом; краснощекая, бойкая, хохотунья и кокетка отчаянная, но очень неглупа. Приятно видеть такое физическое и душевное здоровье. Марья Борисовна⁴ была одета к лицу и очень хороша, Татьяна Бор.⁵ по обыкновению умна и грациозна. Танцевали все, кроме меня.

¹ Московская благотворительница Варвара Семеновна Костромина (1855–1939), основательница Музея педагогического общества и попечительница многих учебных заведений. В описываемое время она работала в школе Цветковой; ср. в дневниковой записи Х. Алчевской: «В.С. Костромина вела серьезно беседу по поводу прочитанного и ставила удачные наводящие вопросы, помогавшие ученице ориентироваться в исчерпанном материале» (*Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое*. С. 423). Ср. первое впечатление Гершензона от встречи с Костроминой по делам народного чтения: «Она не понравилась мне: богатая купчиха, бывшая курсистка, для которой все это дело, очевидно, один спорт» (письмо к брату от 10 октября 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 8. Л. 4–4 об.).

² Об этой организации см.: *Вязигин А.С.* Краткий отчет деятельности Харьковской комиссии народных чтений за первое десятилетие ее существования (1886–1896 гг.). Харьков, 1896. Коллизия между харьковской и московской комиссиями связана с тем, что Цветкова изначально работала в Харькове (ее муж был правителем канцелярии губернатора) — и позже, в Москве, она продолжила свою просветительскую деятельность: «Но дело воскресной школы слишком захватило ее, чтобы в Москве она могла почить на лаврах. Она открыла там самостоятельно первую частную женскую воскресную школу, а за ней потянулись и другие, благополучно существующие поныне» (*Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое*. С. 421–422).

³ Подробностями об этих лицах мы не располагаем.

⁴ Мария Борисовна Гольденвейзер (1873–1940) — будущая жена Гершензона. О семейной жизни Гершензонов см. прежде всего воспоминания их дочери: *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000.

⁵ Татьяна Борисовна Гольденвейзер (1869–1953) — старшая сестра М. Б. Гольденвейзер.

Софья Вас. очень похудела, и завтра идет в клинику, но чудные глаза мерцают удивительно¹. Я наслаждался, глядя на всех. Какая прелестная картина! Что может доставить более сильное впечатление красоты, чем молодая прелестная девушка? Я не знаю ничего лучше; это поистине перл создания. Если бы народное воображение не создало бы Дон-Жуана, его надо было бы сочинить. Я, в сущности, Дон-Жуан в душе, и не становлюсь им в действительности, потому что не красив, потому что не нахожусь в подходящих условиях, и отчасти, может быть, потому, что хочу знать и писать. Если бы я женился на самой красивой девушке, мое дон-жуанское сердце все-таки не было бы удовлетворено; но если бы мне удалось изобразить в прозе или стихах всю прелесть, всю женственность прекрасной девушки — в наружности, в речах, в неожиданных выходках, в движениях, — тогда я был бы доволен; еще лучше, если бы это было в драме или комедии, и я мог бы видеть воплощение моего образа. Ни у кого я не видел больше женственности в наружности, движениях и неожиданностях, как

¹ Это лицо из дома Гольденвейзеров остается нам неясным, если не считать одного эпизода, о котором Гершензон рассказывал брату: «Ты верно помнишь этого болвана Князькова? Он ухаживал за Татьяной Бор. и делал вид, что влюблен — даже однажды иносказательно признался ей. Она недвусмысленно показывала ему, что не выносит его присутствия. В начале зимы он отделал себе квартиру в своем доме (он богат — из купцов-староверов) — и пригласил Гольд[енвейзеров] на новоселье. Вероятно, по настоянию матери, барышни поехали с Колей [Н. Б. Гольденвейзером] под видом посещения его сестры. Потом они были еще кажется два раза. Меня это более чем удивляло, но это явно было требование матери. Потом перестали бывать, а он продолжал ходить, но замечая холодность, все реже и реже. Последний раз был месяца два назад. Одной из любимых тем разговора было, что брак есть союз чисто-духовный. Заметь, что он был оставлен при Унив[ерситете] и теперь ординатор клиники. Софью Васил. тоже, верно, помнишь.

Итак, на прошлой неделе идет она по улице и слышит — зовут ее. Оглядывается — Князьков. Он стоит у своей одноконной кареты и, спросив куда она идет, предлагает подвести ее. Она сначала отказалась, потом согласилась, и села с ним. Он начал с того, что объяснил ей, насколько он богат, и предложил ей поступить к нему на содержание, обещая окружить ее всяким довольством. «Любовь должна быть свободна». Сколько времени будет продолжаться связь — этого сказать нельзя: год, два или больше. В среду он заедет к ней за ответом. Она пробовала соскочить, но он остановил ее: «Я велю кучеру ехать скорее — ведь вы сделаете скандал». Довез ее до дому и высадил. В среду действ[ительно] приехал за ответом и дураки больше ничего не могли придумать, как сказать, что С. В. нет дома» (письмо от 18 марта 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 47–47 об.).

у Дувинской¹, в речах — как у Гиршберг². Однако, пора спать — скоро два часа.

¹ Фредерика Арнольдовна Дувинская. О ней см. в воспоминаниях дочери Гершензона: «Это была старинная папина знакомая из Кишинева. Он знал ее в дни своей молодости хорошенькой, тоненькой девушкой. Кажется, он даже за ней немного ухаживал в одно лето. Теперь она была толстой, веселой и шумливой еврейкой, говорливой и безгранично доброй. Жила она в начале Плющихи» (*Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути [...]. С. 129). Существенные подробности о ней видны из письма М. Б. Гершензон к А. О. Гершензону (брату М. О.): «У меня была Дувинская, тебе верно Миша рассказывал, я после нее три дня не могла опомниться. Она как будто ненормальная, говорила, говорила без конца и многое во мне затронула. Теперь она ушла от мужа, когда уже дети все большие и жизнь не только не успела наладиться, но и прошла. Очень старалась она на своем ломанном языке объяснить мне свою психологию, и, наконец, я ясно поняла: не могла всю жизнь примириться и противилась против места, на которое ее ставил муж, хотела себя самое выгородить, определить, душу свою сохранить» (письмо от 21 мая 1915 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 3. Л. 44–45). В адресной московской книге 1927 г. она значится владелицей кустарной косметической мастерской «Реномэ», после чего следы ее теряются.

² Эля (Эрнестина Давыдовна) Гиршберг — одноклассница М.Б. Гольденвейзер по гимназии Фишер (см.: Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер. С 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. По материалам, собранным Г.Б. Фишером, составил И. Владимирский. М. 1912. С. 94) и ее приятельница; ср. единственную сохранившуюся записку:

«Dear Mary! Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе, скверная девчонка, всего хорошего. Целую тебя. — Твоя Эля.

Поклон всем от меня и m-lle Биркенгейм. Прости, что не пишу письма: время уходит, неизвестно куда» (письмо от 31 декабря 1895 г. (по почт. штемпелю) // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 51. Л. 1). Сохранилось две ее записки к Гершензону (РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 36). В 1894 г. мать Гершензона подозревала в нем наличие романтических чувств к Э. Гиршберг, так что ему пришлось оправдываться: «Жаль, что, будучи в Кишиневе, я не пошел с Вами в синагогу и не поклялся, целуя Тору, что ни в кого не влюблен и ни в этом, ни в будущем году не собираюсь жениться ни на Mlle Гиршберг, ни на ком другом; тогда Вы, может быть, верили бы мне. Как же Вы не хотите понять, что если бы я питал к этой девушке какое-нибудь чувство, и хотел его скрыть от Вас, то летом ничего бы не стал Вам рассказывать о них? И, кроме того, в сотый раз говорю Вам, что если я полюблю кого-нибудь и решусь сделать предложение, то раньше напишу или скажу Вам, хотя, может быть, и не послушаюсь — это зависит от того, какие резоны Вы будете приводить» (письмо к Г.Я. Гершензон от 11 октября 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 16. Ед. хр. 42. Л. 31 об.—32).

22 окт. Суббота, 10 ч.у.

Встал в 8, до сих пор читал книгу Гейгера о Петрарке¹, кончил ее и не могу взяться за работу из нетерпения увидеть газету. Надо как-нибудь сократить это время. Вчера мне пришла в голову отличная мысль: когда-нибудь собрать и издать все стихи Огарева и написать статью о нем, исключительно как о поэте². Его небольшой талант очень привлекает меня своей задушевностью и грустью. Собрать его стихи будет трудно – они разбросаны по многим изданиям. К этой работе буду готовиться, как Сарду к своим драмам: все, что узнаю об этом, буду записывать и заметки хранить отдельно. Вообще, я хотел бы написать ряд этюдов о русских писателях, например о наших первых драматургах, напр[имер] об Озере, затем о поэзии Державина, о поэзии Нахимова и его сверстников, о Батюшкове, Баратынском, Козлове и, *sit venia verbo*, о Пушкине³. Вперед надо выработать себе твердый метод, и лучший путь к этому – внимательное изучение очерков Тэна.

30 окт. Воскр. 1 ч.д.

По поводу статьи Л. Тихомирова в нынешнем № Моск[овских] Вед[омостей]⁴ говорили с Виногр[адовым] о монархии. Между прочим я спросил его, почему в последнее время его, по видимому, очень интересует история Византии. Он ответил, что с точки зрения теоретической политики эта история очень любопытна как вследствие своеобразного характера, который приняли в ней идеи и учреждения Рима, так, главным образом, вследствие своеобразного характера визант[ийской] монархии. Там наследственность никогда не могла упрочиться; история Византии есть история узурпаций. Внеш-

¹ Имеется в виду книга немецкого историка Людвиг Гейгера (1848–1919): *Geiger L. Petrarka. Leipzig, 1874.*

² Этот замысел был воплощен: в 1904 г. Гершензон напечатал в издательстве Сабашниковых двухтомное собрание стихотворений Н.П. Огарева.

³ Эти обширные планы были выполнены лишь частично – так, работ монографического характера о Баратынском, Нахимове и Озере у Гершензона нет, хотя все перечисленные лица многократно упоминаются в его трудах.

⁴ Имеется в виду статья Льва Александровича Тихомирова (1852–1923) «Носитель идеала» (Московские ведомости. 1894. № 298. 30 октября. С. 3–4), апологетически отзывающаяся о покойном царе: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала. Тяжкий крест всегда бывает уделом таких людей, являющихся лишь в минуты, когда ослабевающее человечество нуждается в особой помощи Провидения».

нее положение Византии предъявляло слишком большой запрос на личный элемент, и как только представители династии, вырождаясь, переставали удовлетворять этому запросу, тотчас происходил переворот, ставивший на место представителя династии сильную личность. У нас дело иначе — в верховной власти важна не личность, а учреждение: ее носитель является представителем принципа порядка, единства, и в этом отношении отвечает потребностям нашей жизни: 1) современному международному порядку, важности военных интересов, 2) этнографической потребности — потребности примирять и ограждать интересы различных народностей России, далеко еще не ассимилировавшихся и отчасти враждебных друг к другу. И надо признать, что наследственная монархия есть лучшая форма, в какой может быть представлен принцип порядка. Это, так сказать, национально-милитарная основа русской монархии. Но она имеет еще другую основу — демократическую, именно сложившееся исторически политическое сознание народа о невозможности жить без такого представителя порядка. Как и когда изменится эта политическая теория народа — неизвестно; она естественно сложилась благодаря особенному ходу нашей истории, глубоко коренится в народном сознании и, при косности земледельной страны, может удержаться еще в течение многих веков. Что касается первых двух условий, то и они несомненно просуществуют века, пока исчезнут милитаризм и национальная вражда. Поэтому русской монархии обеспечено еще вековое существование. Но что должно измениться и что несомненно изменится, это бюрократическая централизация нашего государства. Она убивает всякую жизнь, всякое развитие, и ее разрушат две силы: во-первых, теоретическая работа и, во-вторых, дальнейшая экономическая история России, которая обнаружит вред этого порядка. Если правительство не изменит его вовремя, то оно будет вынуждено к этому какой-нибудь катастрофой, экономической Иеной¹, которая обнаружит экономическое банкротство России. Эта история не обойдется без тяжелых конфликтов. — Общая картина будущей России, по представлению Виноградова, такова: монархия с национальным-милитарным характером и, по прежнему, на демократической основе; слабая централизация — значительная местная и социальная самостоятельность; представительное учреждение, очень слабое, гораздо более слабое, чем даже в Германии — по той причине, что у нас нет такого многочисленного среднего сословия, как там, а есть лишь

¹ Имеется в виду кровопролитная битва при Йене 1806 года, где войска Наполеона нанесли поражение прусской армии.

небольшая кучка образованных людей. — Я спросил: если *raison d'être* монархии — милитаризм и национальная вражда, то почему не предоставить ей только соответствующую компетенцию, т.е. внешнюю и внутреннюю охрану? — Он ответил: каким бы обстоятельствам ни была обязана своим существованием та или другая идея или учреждение, — раз она вошла в жизнь, — она начинает самостоятельное существование и развивает все свои последствия.

Говоря о демократической основе русской монархии, он заметил, что в этом отношении наши государи делают ряд крупных ошибок: они не сознают своей связи с массой, тратят миллионы на людей, которые никогда не сумеют воспользоваться ими, и т.д. Вообще, огромная ошибка уже то, что монархия у нас приняла характер дворянский. Такой же характер носила и французская монархия.

10 ноября. Среда 8 ч. веч.

Сейчас ушел Маклаков. Он рассказывает, что вчера, когда артисты импер<аторских> театров шли на панихиду¹, Садовский² сказал: «Да, помолимся, чтобы Николай Второй не был вторым Николаем»³. Теперь вся Москва повторяет эту остроту.

7 янв. 1895 г. Суббота, 11 час. веч.

Давно я не писал здесь. Теперь такая тоска, такое одиночество, а за спиной — звуки рояли. Последние дни, по вечерам, когда остаюсь один, — так становится грустно, что заплакал бы. Ничего не могу делать, просматриваю газеты бегло и с отвращением, и думаю. О чем думаю? Черт знает, что это — говорят, будто влюбился, и теперь я сам начинаю думать, что это правда. Иначе — откуда эта грусть? Права Роз. Мих.⁴ — так жадно хочется женской ласки, любви, присутствия —

¹ Подразумевается панихида по Императору Александру III, скончавшемуся 20 октября 1894 года.

² Михаил Прович Садовский (1847–1910).

³ Этот каламбур известен также в рифмованном виде («Смушенные Рока игрой, / Теперь одного мы желаем: / Чтоб царь Николай наш Второй — / Нам не был “вторым Николаем!..”») (см., напр.: *Жданов Л.* Николай «Романов». Последний царь: Исторические наброски. Пг., 1917. С. 13).

⁴ Розалия Михайловна Гиршберг, мать упомянутой выше Э.Д. Гиршберг. Биографические сведения о ней незначительны; среди писем Р.М. Гиршберг к Гершензону сохранился бланк доверенности, где она титуруется «Вдова Гольдингенского мещанина Розалия Михайловна Гиршберг» (Гольдинген — г. Кульдига в Латвии); из этого же документа следует, что девичья фамилия у нее, скорее всего, была «Фридсманд» (возможна ошибка чтения: почерк

ах, что врать — хочется, чтобы она, такая красивая и такая далекая, была здесь, хочется видеть ее лицо, смотреть в ее глаза, держать ее руку.

Я положительно начинаю думать, что люблю Марию Борисовну. Полчаса назад я вздрогнул, когда мой взор случайно встретил в газете слово «Мария». «Имя нежное Марии...»¹ Тоска, одиночество, и это имя, и образ, который оно вызывает в уме. Ах, она действительно хороша! Но горда и равнодушна. Теперь, когда я один, она мне кажется ближе ко мне, чем у них, когда мы сидим за одним столом. У нее дивные глаза, и она все время смотрит на меня; я редко взглядываю на нее, и когда наши глаза встречаются, я тотчас отвожу взор и, кажется, иногда вздрагиваю при этом. Зачем она смотрит? Ведь она не любит меня. Или она хочет увидеть в моих глазах мою любовь — это ей приятно. Я нравлюсь ей, — я знаю, что мое присутствие доставляет ей большое удовольствие; поэтому ей приятно, что я люблю ее. Но в ней самой нет и следа любви ко мне. Я стараюсь быть как можно осторожнее, и действительно кажется ни разу сознательно не выдал своих чувств. Между тем Роз. Мих. говорит, что все — и сама М. — убеждены, что я влюблен в нее, а Татьяна Б. прямо сказала мне это в понедельник у Вейнбергов² «потому что, говорит она, все признаки

крайне неразборчив); брат ее был купцом в Белостоке (РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 34).

¹ Из «Полтавы» Пушкина.

² Вейнберг Леон Осипович (1865—?) — педагог, составитель учебных пособий, преподаватель Набилковского коммерческого училища и Лазаревского института (судя по титулатуре составленных им книг: Новая русская хрестоматия. М., 1903; То же. 5-е изд. Ч. 1–2. М., 1909, 1915). Он же упоминается в письме А.Б. Гольденвейзера к Гершензону от 14 июля 1894 г.: «Леон Осипович дежурит на Филях (за 18 дней — 75 р.) и один раз, проходя с институтом мимо нас, зашел на несколько минут» (Наставник: Александр Гольденвейзер глазами современников. М.; СПб., 2014. С. 34; пребывание его летом в Филях связано с работой в летней резиденции Лазаревского института, см.: *Амирханян А.* Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории Московской армянской общины XIV–XX века. М., 1992. С. 59). О нем см.: *Анненский И.Ф.* Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов. Иваново, 2000. С. 73–74 (комм. А.И. Червякова). Сохранились его письма к Гершензону (РГБ. Ф. 746. Карт. 30. Ед. хр. 4). Ср. в письме Гершензона брату, написанном почти одновременно с этой дневниковой записью: «Вейнберги по прежнему живут в тех же мебл[ированных] комн[атах]. Он недавно получил в том же Лазаревском институте урок латин[ского] яз[ыка] в 1 кл[ассе] и получает теперь уже 70 руб.; тем и живет. Книжка его (Нибур) расходуется плохо. Третьего дня я был у него после 2 месяцев» (письмо от 4 янв. 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18.

на лицо». Мне случалось несколько раз провожать ее домой от Гиршбергов, обыкновенно вечером, и я не позволил себе ни одно[го] слова, ни одного намека. Роз. Мих. говорит, что Коля¹ раньше отрицал это, а теперь и он соглашается.

Ведь она мне нравится давно, меня давно влечет к ней, — почему же именно теперь я задаюсь вопросом, люблю ли ее? На этой неделе я провел у них 3 вечера, в четвертый мы вместе были у Вейнбергов — пятница, суббота (под Новый год), воскресенье, понедельник, вторник, — даже целых 5. Во вторн[ик] я не пришел бы, но это был день рождения Алекс. П.², и она сказала, что крепко обидится, если я не приду. Пять вечеров подряд, не это ли убило меня? В понед[ельник] (у Вейнбергов) она была в черном платье — оно удивительно шло к ней. И сидя через стол, она все время смотрела мне в глаза. Наверное это заметили и другие. В этот вечер я был точно пьян. И это заметили, особенно Татьяна Бор. Какая милая девушка! Мне кажется, что она любит меня, как сестра — она не раз говорила мне это, и я ее так же люблю.

Боюсь, что эти 5 вечеров будут мне стоить много. Или все это — потому, что намеки на мою влюбленность открыли мне глаза? Вчера Роз. Мих. два часа говорила на эту тему. Мне было очень скверно. Она не только убеждена, что я люблю М., но знает будто бы и факты. Я отрицал это по совести. Она по природе очень добра, исковеркана жизнью, и я ее люблю несмотря на всю наносную грязь; она мне гораздо симпатичнее дочки. Но вчера она истерзала меня.

Но Боже мой, Боже мой! Что из этого выйдет! Если я действительно полюблю, ведь я погибну! Она не любит меня и если не любит, зная три года, то никогда не полюбит. Хватит ли силы забыть ее? Есть одно средство: пока еще не поздно, перестать ходить в дом — но правда ли, что еще не поздно? Хватит ли теперь силы и на это? На-

Ед. хр. 9. Л. 2 об.; упомянутая книга: *Классен И.* Бартольд Нибур. Пер. с нем. Л.О. Вейнберга. М., 1894).

¹ Н.Б. Гольденвейзер.

² Щекотихина Александра Петровна, сестра матери А.Б., М.Б., Н.Б. и Т.Б. Гольденвейзеров: «Александра Петровна, как мы звали ее — тетя Саша, была к нашей семье очень близка. Несколько лет она жила у нас. Тетя Саша не получил систематического образования, знала немножко французский язык, кое-что читала и, благодаря природному уму, производила впечатление культурного человека. [...] Тетя Саша не была красивой, но обладала стройной фигурой, сохранившейся у нее до старости. Несмотря на то, что в молодости у нее были поклонники, замуж она так и не вышла» (*Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М., 2009. С. 25).

полеон сказал, что в любви возможна одна победа — своевременное бегство¹, — но он не сказал, когда надо бежать; в тот момент, когда скажешь себе: я люблю — пора бежать, в ту минуту ты уже пленник. Любовь, должно быть, самое прекрасное в жизни — *Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt*², — но я боюсь, что на мою долю выпадет только последнее.

Как грустно мне! Один в ночной тиши
Сижу с пером в руке, с тоскою в сердце,
И думы одинокие — тебе,
Единый друг — заветная страница,
Я предаю. От глаз людских сокрыта,
Ты примешь их и свято сохранишь.
Тебе я все скажу. Уж много лет
Я тайные веду с тобой беседы;
Когда мой ум кипит и сердце бьется
И до краев исполнится душа, —
Один, один средь торжища людского,
С тобой одной делю я грусть и радость
И тайный страх, и тайные надежды,
В тебе одной ищу я утешенья
И бодрости. Я знаю: ты одна
Мне верность сохранишь; моих волнений
Не выдашь ты толпе себялюбивой,
Не осмеешь моих безумных грез,
И тот кумир, пред кем склоняюсь я,
Не втопчешь в грязь кощунственной стопою.
И ныне я пришел к тебе опять,
Безмолвная и верная подруга,
И снова полон ум безумных грез,
И грустен я, и грусть моя сильна,
Как власть любви, проснувшейся впервые;
И почему так грустно мне — не знаю,
Но плакать и молиться в этот час
Хотел бы я, и, кажется, слезами
Я ум, печали полный, облегчил бы.

¹ Ср., напр.: «Qui ne sait que la seule victoire contre l'amour, c'est la fuite?» (Napoleon. Ses opinions et jugemens. Paris, 1838. T. 1. P. 344).

² Из трагедии Гете «Эгмонт» (1788); в пер. Ю.Н. Верховского: «Звездно ликуя, смертельно скорбя».

13 янв. 1895 г. Пятн., 5 ч. дня.

Сегодня мы разбирали с Виногр[адовым] его старые бумаги, отыскивая одну рукопись Семевского¹. При этом он много рассказывал о своем детстве. Он с пяти лет знал по нем[ецки] и франц[узски], с 15-ти — по англ[ийски], итал[ьянский] изучил уже в университете. Читать сознательно он начал в 6 классе, и за 6-ой и 7-ой классы (он окончил с золотой мед[алью] еще по 7-классной системе) перечитал необыкновенно много книг. Важным он считает то, что отец с самого начала направил его на классическую иностранную литературу и тем, вовсе не желая, положил основание его западничеству. Отец был настоящий русский человек, притом очень религиозный². Читал Виногр[адов] множество романов и проч., а в 7 кл<ассе> отец дал ему Philosoph[ische] Bibliothek Кирхмана³; я сам видел толстую тетрадь с заметками по чтению Платона, Аристотеля, Декарта и проч. Сразу Аристотель стал привлекать его больше Платона, Декарт больше Бэкона. Это понятно в уме систематическом, который требует ясных и стройных доказательств и не допускает смешения истины с поэзией; идолы Бэкона⁴, напр., очень не нравились ему. Сильное впечатление производил на него Гете, особенно 1-ая ч[асть] Фауста, Вертер и Lehrjahre⁵. Фауста он много раз перечитывал потом, и говорит, что ни одно произведение (даже Шекспир и Данте) не ближе ему. (Впрочем, теперь он, кажется, выше всего ставит Данте). В университете он много читал. Я видел несколько тетрадей, озаглавленных: Memoranda, с номерами 39 и 40 и т.д., содержащих изложение прочитанного;

¹ Вероятно — историка Михаила Ивановича Семевского (1837—1892), но возможно и его брата и коллеги Василия Ивановича Семевского (1849—1916).

² Гавриил Киприянович Виноградов (1810—1885), директор костромской гимназии, позже — директор женских гимназий ведомства императрицы Марии в Москве, тайный советник. О детстве будущего ученого см.: *Антощенко А.В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 22—23.

³ Серия книг, основанная в 1868 г. юристом и политиком Юлиусом Германом фон Кирхманном (1802—1884). До 1872 г. издавалась в Берлине, далее — в Лейпциге. Подробности и библиографию см.: *Hundert Jahre philosophische Bibliothek: 1868—1968. Zeittafel und Gesamt-Verlagsverzeichnis 1968. Bearbeitet von Richard Richter. Hamburg, 1968.*

⁴ Элементы философской системы Фрэнсиса Бэкона — персонифицированные источники косности человека, стоящие на пути его совершенствования.

⁵ Подразумевается роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» («*Wilhelm Meisters Lehrjahre*»).

здесь Lecky¹, Neumann (история Америки)², речи лорда Чатама³, антропология и проч. Три тома Лекки⁴ были прочитаны, если хорошо помню [sic], между 3 и 21 июля 1872 (3?) года; на каждой тетради надпись, когда начато, когда окончено. Потом видел его студенч[еские] сочинения 1-го курса, 2-го (о Беовульфе — для Буслаева⁵), черновую студенч[еского] медального сочинения⁶ и проч.

Потом разговорились об изящной литер[атуре]. Очевидно, он уже давно не читает ее, но раньше читал много. Он умно выразился о русском романе: в этом нас никто не превзойдет; мы обладаем способностью поэтически описывать правду, находить *Das Packende der Wahrheit*⁷. Французы, напр[имер], могут описать правду, но без поэзии.

Я взял для прочтения его семинарскую работу у Моммсена — *Die Römischen Dichter über M. Valerius Messalla Corvinus*⁸; на полях — за-

¹ Ирландский историк Уильям Эдуард Хартпол Лекки (1838–1903).

² Немецкий историк Карл Фридрих Нейманн (1793–1870), автор трехтомной «*Geschichte der Vereinigten Staaten von Amerika*» (Berlin, 1863–1866).

³ Один из сборников речей английского премьер-министра Уильяма Питта, графа Чэтема (1708–1778).

⁴ К 1872 г., когда, как сообщается далее, Виноградов читал эту книгу, у Лекки не было еще напечатано трехтомных сочинений, а только двухтомные «*History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe*» (2-е изд.; Лондон, 1865) и «*History of European Morals, From Augustus to Charlemagne*» (Лондон, 1869). Если же допустить, что Гершензон ошибается с датой, то речь может идти о трехтомном немецком издании его «*Истории Англии в XVIII веке*»: Lecky, William. *Geschichte England simachtzehnten Jahrhundert*. Bd. 1-3. Leipzig; Heidelberg, 1882.

⁵ Виноградов был учеником крупного историка, этнографа и фольклориста Федора Ивановича Буслаева (1818–1897); см. его очерк об учителе: Памяти Федора Ивановича Буслаева: СПб., 1898. С. 43–53.

⁶ Медальное сочинение Виноградова — «Землевание в эпоху Меролинггов» (см.: Антощенко А. В. Диссертации П. Г. Виноградова // Мир историка. Историографический сборник. Омск. 2000. Вып. 6. С. 89–90).

⁷ Захватывающее, содержащееся в правде (*нем.*).

⁸ «Римский поэт Валерий Мессала Корвин» (*нем.*). Ср. в подробном письме-отчете, посланном Виноградовым В. И. Герье из Берлина 7 ноября 1875 г.: «Сам я не решился взять себе тему по собственному выбору, хотя Моммзен и приглашал нас сделать это, а выбрал одну из предложенных самим Моммзеном тем, именно — анализ сведений о Мессале Корвине, сообщаемых римскими поэтами, главным образом Тибуллом. Я остановился на этом вопросе, потому что при разработке его можно будет изучить отношение между умственной и политической жизнью в начале империи, приношение лучших

метки Моммсена, написанные необыкновенно мелким и неразборчивым почерком; заметки, вроде: Von Weltherrschaftseheich Nichts¹, и т.п.

Записка сумасшедшего

1) Смысл и значение жизни отдельного человека состоит в том участии, которое он принимает в общем движении – в прогрессе. Помимо этого участия нельзя открыть в человеческой жизни никакой цели.

2) Следовательно, если я хочу жить сознательно, то должен определить, что такое прогресс, т.е. какое из многообразных движений есть прогресс, и принять в этом движении сознательное участие.

3) Обыкновенно хорошие люди так и поступают, но они определяют прогресс субъективно. Как же определить его объективно?

4) Единственный критерий в этом случае – природа. То движение, которому благоприятствует природа, и есть прогресс. Этому движению обеспечена вечность и, следовательно, всякому, кто в нем участвует, – бессмертие. Итак, надо определить, какому движению особенно благоприятствует природа.

5) Природа разумна; это доказывает созданный ею разум человека, ибо чего нет в причине, того нет и в следствии.

6) Все это мысли не новые, но вот мое открытие. Я нашел средство, которое дает возможность точно определить движение особенно благоприятствуемое природой.

7) Каждое движение складывается из отдельных моментов, и в центре каждого момента стоит одна руководящая личность. Итак, что мы должны избрать критерием – момент или личность? Если первое, то поддержка природы выразится в удаче того или другого события. Но это критерий непрочный. Мы должны избрать человека, и вот моя великая мысль: тот человек, который способствует истинному, объективному прогрессу, находится под покровительством природы, и, так как он действует в ее интересах, то природа старается сохранить его как можно дольше. Итак, человек, содействующий прогрессу, живет особенно дольше [sic!], и, наоборот, тот исторический человек, который жил особенно долго, несомненно был носителем прогресса. Следовательно, определив, кто из исторических людей жил долго, и

сил римского общества, оттиснутых в частную жизнь великим переворотом, к новым условиям» (Письма Н.Г. Виноградова к В.И. Герье из Германии (1875–1876 гг.) // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 122; публ. А.В. Антощенко).

¹ Никакого мирового господства не вижу (нем.).

определив далее характер деятельности этих людей, мы получим ряд лиц различных эпох, которые несомненно были людьми прогресса. По этим вехам и можно будет определить, что такое истинный прогресс.

Изложить в форме письма к другу.

Пятн. 10 февр. 9 ч. утра.

Опять два дня подряд видел ее, и опять теряю голову. Что делать? Я не только лишился спокойствия, но и попал в глупое положение. Что может быть глупее роли молчаливого вздыхателя? Я даю вещам идти своей дорогой, не ускоряя и не замедляя — не ищу случаев видеть ее, но и не избегаю. Если бы Шура¹ в среду не принес билета на грузинский вечер², было бы гораздо лучше. Весь вечер я сидел рядом с нею, а она была лучше, чем когда-нибудь раньше — может быть самая красивая из всех. Весь вечер я сбоку смотрел на нее и плохо слышал, что пели и играли; такой вечер — несчастье: чувствуешь, как пьешь эту сладкую отраву, и не можешь оторваться. Под конец я совсем опьянел. Вчера вечером я пришел к ним, потому что не был целую неделю. Она опять опустила косу. Зачем она это делает? Она знает, что я люблю это, и, не чувствуя ко мне ничего, дразнит меня все-таки. А сегодня я опять принужден идти к ним — на блины³. Она, действительно, необыкновенно хороша. Сидя за столом, мы ежеми-

¹ Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961) — в будущем — знаменитый композитор и пианист.

² Грузинский вечер состоялся в среду, 8 февраля. Ср. в музыкальной хронике: «В среду, 8 февраля, в Большой зале Благородного Собрания состоялся Грузинский вечер, в пользу недостаточных Грузин-студентов. Как и следовало ожидать, прекрасная цель вечера привлекла много публики, среди которой присутствовали многие представители артистического мира Москвы. Блестящему художественному успеху вечера весьма способствовала представляющая большой интерес, прекрасно и умело составленная, программа, а также и то, что руководителем концерта явился такой превосходный музыкант, талантливый композитор и дирижер, как профессор нашей консерватории М. М. Ипполитов-Иванов» (*Корещенко А.* Грузинский вечер // *Московские ведомости.* 1895. № 41. 10 февраля. С. 4; ср. другой отзыв: *Русские ведомости.* 1895. № 42. 11 февраля. С. 3).

³ В этот же день Гершензон писал брату и матери: «Сегодня, по случаю масленицы и удивительной погоды, решил не заниматься. Днем я приглашен на блины к Гольденв[ейзерам], а вечером пойду к Вернерам» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9; Вернеры — семья Ипполита Антоновича Вернера; 1852–1927).

нутно встречаемся глазами, и это выдает меня, но я не могу иначе — это делается невольно, как вероятно и у нее.

Все это кончится скверно и, что хуже всего, глупо. Я наверное никогда не скажу ей правды и уеду в самой ужасной тоске, буду тосковать и там, а она сейчас меня забудет¹. Но трудно сказать, не было бы ли много хуже, если бы она меня любила. Теперь мука — ее равнодушие, — тогда было бы не меньше муки, потому что явился бы этот ужасный вопрос о крещении. Теперь я бессилён помочь себе, — тогда счастье зависело бы от меня. Это было бы еще гораздо хуже. Я не должен креститься, ни в каком случае².

Чем больше я думаю об этих вещах, тем больше чувствую, что надо поскорее вон из Москвы, потому что от всего этого сойдешь с ума. Иногда подступает к горлу, хочется плакать или обнять кого-нибудь и рассказать все. Если бы был хоть один настоящий друг, а то все — как чужие. Одно спасение — работать, узнавать. В последнее время меня сжигает жажда знания. О, если бы можно было так поработать, как я хотел бы, просветить свой разум, и потом писать о всем, что есть высокого и прекрасного в жизни, о всем печальном и трогательном! Я бесповоротно, на всю жизнь писатель и знаю, что во мне есть какая-то могучая сила. Если бы только жизнь не помешала мне сделаться тем, чем я могу быть! Быть пророком света и радости — вот чем я хотел бы быть; жизнь так хороша, так полна прелести и поэзии, а в людях столько тьмы и злобы. Среди этих близоруких людей, идущих ощупью, я чувствую себя как человек из другого мира, как свежий варвар в императорском Риме. Никто из них не сравнится со мною в способности удивляться, испытывать восторг. Вот эта комната, залитая блеском зимнего солнца, эта тишина, этот стол, заваленный книгами, это тихое и быстрое тиканье карманных часов, лежащих передо мною — какая прелесть в этом, какая радость! Какая радость — вспоминать о ней, мысленно видеть ее и думать о том, какое неизмеримое счастье могла бы она дать, если бы любила! Полюбит ли она когда-нибудь, и найду ли я ее еще, когда через два года вернусь в Москву?

¹ В середине мая 1895 г. Гершензон уехал в Шабо к матери с тем, чтобы осенью вернуться в Одессу и остаться там на неопределенный срок.

² Гершензон провидит проблему, остро вставшую перед ним несколькими годами позже, после сближения с Марией Борисовной: Гольденвейзеры были христианами, и по закону церковный союз между ним и нею был невозможен, из-за чего они жили в гражданском браке к живому огорчению обеих семей. Позже, когда в законе открылась новая возможность, М.Б. перешла в лютеранство, они официально поженились и Гершензон усыновил собственных, до того считавшихся незаконнорожденными, детей.

Если, вернувшись, я застаю ее влюбленной, я не перенесу. Уже лучше было бы застать ее замужем, спокойной, с уравновешенной любовью. Это было бы не так больно. Как глупо! Вчера, лежа в постели, я думал: не лучше ли написать письмо Коле, рассказать правду и перестать бывать? Но рассказать — нет, этого я не могу. Он и без того знает. Это приводит меня в бешенство. Они все знают, и когда я подумаю, что они вслух говорят об этом, я повесился бы.

Три страницы вздоха! Ничтожные, бледные слова, когда сердце так полно, когда так безумно хочется счастья. Опять уже подступает к горлу. Нет, я не бываю zu Tode betrübt; все мысли, связанные с нею, даже мысли о том, что она меня никогда не полюбит, полны счастья — все только himmelhoch jauchzend¹.

5 час. дня.

Только что вернулся от них. Варв. Петр.² пригласила придти вечером. Пойду. Пойду и сегодня, и завтра, и в воскресенье — возьму последнее, что можно взять, а потом 2 недели не буду ходить и буду стараться не думать. — Сегодня при мне приехала Лидия Петр.³ М. взяла ее обеими руками за лицо и поцеловала. Я не выношу, когда она обнимает или целует кого-нибудь. Она опять была с косой и опять смотрела на меня. Я должен бежать от этих взглядов. Как все это глупо! Неужели я обращусь в молчаливого вздыхателя, который смотрит на свой «предмет» взором умирающей лани? Глупо и скверно!

¹ См. прим. 2 на стр. 24.

² Варвара Петровна Гольденвейзер (урожд. Щекотихина; 1848–1898) — мать А.Б., Т.Б., М.Б. и Н.Б. Гольденвейзеров.

³ Щекотихина Лидия Петровна, тетя Гольденвейзеров: «Младшая из сестер, Лидия Петровна, училась в женской классической гимназии Фишер в Москве, по окончании которой получила место учительницы в Орловской гимназии. В Орле она и прожила несколько лет вместе со своей матерью, Александрой Васильевной — мой бабушкой. Жили они там до самой смерти бабушки, после чего тетя Лидия переехала в Москву и служила в разных учреждениях. В молодые годы тетя Лидия заболела психическим расстройством и несколько месяцев лечилась в психиатрической клинике в Москве. У нее был впоследствии (уже в Москве) несчастный роман, в результате которого родился сын Коля, талантливый юноша, но очень беспутный. В качестве искусствоведа он работал в разных городах России. В годы гражданской войны и голода тетя Лидия с сыном попали в Харьков; оба заболели там сыпным тифом. Когда Коля выздоровел и вышел из больницы, матери он нигде не нашел — очевидно, она умерла в больнице» (*Гольденвейзер А.Б. Воспоминания. С. 29*).

12 февраля. Воскр. 1 ч. ночи.

Только что вернулся от них. Ты хочешь знать, тетрадь, нет ли новостей? Нет, милая тетрадь! Она все так же хороша и равнодушна, все так же все понимает. Когда я подавал ей руку, прощаясь перед уходом, — я поднял глаза, и наши взгляды встретились; одно мгновение, но взгляд долгий, глубокий, ласковый; я унес его на прощание — на долгую разлуку — на две недели.

Действительно, как она хороша! Особенно, серьезная, слушая разговор или музыку, и больше всего — когда смутится и заалеется. Лучше всего — глаза, особенно когда смотрят ласково. Этот взгляд точно переворачивает во мне сердце; тогда я сейчас отвожу взор. Теперь — две недели! Бесконечное время! Это будет 26 февраля; тогда я пойду рано, часов в 7. Потом, в следующий раз, пойду 10 марта, в день ее рождения. Это будет, кажется, в пятницу. Ей будет 22 года. Следовательно она родилась 10 марта 1873 года. Надо ходить пореже, как можно реже; может быть верну спокойствие и способность работать. Так, как теперь, — не хорошо. Может быть самая работа даст возможность забыть. Надо задушить это чувство, от него не будет добра. В жизни есть высокие задачи, выше личного чувства; ради них и при помощи их надо бороться. На днях в газете было известие о самоубийстве какого-то молодого человека, телеграфиста, где-то на юге, в захолустье¹. Он оставил записку квартирной хозяйке; я запомнил всю от слова до слова: «Прощайте, милая хозяйюшка! Простите за беспокойство: это в последний раз. На балу я встретил свою баловницу. Она была чудно-хороша, но только не для меня. Жизнь прекрасна, но не скучная и одинокая». В этих словах — какая грустная скука одиночества, какая тоска безнадежной любви! Бедный телеграфист, как мне жаль тебя и как я завидую тебе! Говорят, что под влиянием любви расцветает сердце; вот сердце, увядшее в любви.

18 февр. Субб. 12 час. веч.

Я был у них, и не сожалею. Она была в черном платье — моем любимом; оно удивительно идет к ней. Какая она умница! Я сказал между прочим, что женщину создали поэты, и что они сделали ее привлекательной для нас не столько даже теми прелестями, которыми наделили их, сколько прелестью недостатков, которые в них нашли. Она ответила: но поэтов создала женщина. Это было прелесть как хорошо.

¹ В газетах, которые обычно читал Гершензон («Московские ведомости» и «Русские ведомости»), этого сообщения не обнаружено.

Все эти дни сидел дома и много читал. Теперь, в эту минуту, я чувствую в себе огромную силу; я был бы способен теперь пойти к ней и смело сказать ей, что люблю ее, и был бы способен бросить в лицо этим узким и затхлым либералам железный стих, дерзкий, молодой, слово, полное свежести и силы, какие я чувствую в себе. Мой час придет; я скажу людям свежее, молодое слово, скажу им, как хороша жизнь, потому что они забыли это, и скажу им, что одна есть дорога — к свету, одна цель — счастье всех и наслаждение этой красотой. Я слишком отличен от них, слишком свеж сравнительно с ними — я не могу ошибиться в этом. Я между ними, как полудикий германец в изнеженном, рафинированном Риме времен империи. Драму, драму — вот что мне нужно! Я должен написать драму и вложить в нее всю мою страстность, весь трагизм моего духа. Она должна могучей рукой схватить их дряблые, сонные сердца и увлечь за собой, чтобы они не успели опомниться. Страсти — вот чего им недостает, а в ком есть — та дремлет. Когда жизнь не будит страсти, это должен сделать поэт, чтобы люди не разучились ей — иначе они забудут богов Греции. Им надо показать всю красоту жизни — в любви, в глубоком взоре девушки, во всей прелести ее души и тела, в ее ласке — ее, моей Маруси, и весь ужас темы — в страдании, всю силу человека — в борьбе. Им снова нужны «Разбойники» или «Фиеско»¹, но только бешеную пьесу, где каждый стих — как удар бича. И я должен добиться славы, чтобы принести ее к ее ногам — тогда она будет моя. Я покорю ее, а не вымолю ее любовь.

Мне снилось, что я целовал ее в уста и в веки полузакрытых глаз и держал ее руку в своей руке, держал ее мягкую руку, и целовал, и не мог оторваться. Потом я смотрел в ее глубокие глаза и страдал от счастья. Где мне взять эту мягкую руку, чтобы держать ее в своей руке, эти уста, эти глаза с мягким и ласкающим взором, это дивное лицо и эту ласку, нужную и безумно-страстную? Она будет моей — иначе не может быть!

В решенье жизненных вопросов
Я погрузился с головой.
Не только вы — я сам, поверьте,
Не узнаю себя порой.
Утратив разум и покой,
То жить хочу, то жажду смерти,
То занимаюсь до утра,
То целый день брожу без дела.
Одна владеет мной всецело
Неизмеримая хандра.

¹ Драммы Шиллера — «Разбойники» и «Заговор Фиеско в Генуе».

25 февр. Суббота 12 час. веч.

Давно не писал. Что делал это время? Почти безвыходно сидел дома и занимался. Читал Лампрехта¹ и переводил Бентама². Это полезно, хотя по временам было скучно и находила тоска. За то бодрость духа, исхудавшая и побледневшая мысль поправилась и окрепла. Если бы изо дня в день хорошо работать, какое бодрое настроение и как много сильных мыслей! Нигде не был в гостях, и не написал ни одного стиха.

26 февр. Воск. 12 ч. ночи.

Сегодня рождение Шуры³. Был у них. Не знаю, так ли обыкновенно ревнуют, но я боюсь мысли не то, чтобы она полюбила другого, но чтобы другой влюбился в нее.

6 марта. Понед. 12 ч. ночи.

Все то же. Третьего дня прошел с М. от их дома до Гигиенической лаборатории⁴ и обратно. В первый раз так долго разговаривали наедине. Нет, она не знает, но догадывается, то верит, то не верит. Говорили о ее писательстве⁵. Я честно сказал ей свое мнение. Когда я просил ее не сворачивать в переулки, а пойти по Тверскому бульвару — тут я прибавил: мне так редко случается говорить с вами — она покраснела и сказала: со мной едва ли интересно разговаривать; я не умею говорить. При прощании опять так ласково смотрела в глаза и крепко пожала руку.

¹ Немецкий историк Карл Лампрехт (1856–1915).

² Гершензон в это время работал над переводом Давида Юма (1711–1776) и Иеремии Бентама (1748–1832) для объединенного издания их трудов, подготавливаемого издательством К.Т. Солдатенкова: *Юм Д. Опыты. Иеремия Бентам. Принципы законодательства. — О влиянии условий времени и места на законодательство. — Руководство по политической экономии*. Пер. М.О. Гершензона. М., 1896 (Библиотека экономистов. Вып. 5).

³ А.Б. Гольденвейзер.

⁴ Гигиеническая лаборатория Московского университета располагалась среди комплекса зданий медицинского факультета на Девичьем поле.

⁵ В архиве сохранилось значительное число прозаических опытов М.Б. Гольденвейзера, условно датируемых 1890-ми годами: рассказы «Дед Иван», «Репетитор», «Дневник Зобеиды», «Дневник скучающего человека» и пр. (см.: РГБ. Ф. 746. Карт. 46. Ед. хр. 2–8). Единственная известная публикация беллетристического произведения М.Б. состоялась только в 1917 г.: Призывы // Русская мысль. 1917. I паг. С. 221–240; подп.: М. Ге.

Как вы могли так верно угадать
Мои мечты и тайные волнения,
Тоску, и страх, и робкие надежды,
И то, чем я питаю грусть мою,
Чем ум больной всечасно я ласкаю?
Как часто, одинокий, я сижу,
Забыв о книге, полный светлых чувств
И грустных дум; Ваш образ предо мною
Стоит, как наяву; в воображеньи
Я вижу ясный взор, и лоб открытый,
И длинные ресницы, и уста.
Как сладкую отраву, этот взор
Я пью мечтой, не насыщая сердца,
И долго жду, чтоб милые уста,
Склонясь к моей мольбе, заговорили.
Я вижу вас так близко. Слов безумных,
Мне кажется, до вас доходит звук.
Я говорю вам в мыслях, как свиданья
Я жадно жду, как нежно вас люблю,
Я вас зову, — без слов, но так мятежно
И пламенно, с такой глубокой страстью,
Что вдруг средь тишины мои уста
Невольно ваше имя произносят.
Как странен он, давно знакомый звук!
Как мил он мне! Как слух лелеет нежно!
Вполголоса смущенный и счастливый,
Я вновь твержу пленительное имя,
И слушаю, как в чуткой тишине
Звучит, дрожа, мой робкий зов: «Маруся!»
Таких минут страданье и блаженство
Как, не любя, постигнуть вы могли?¹

16 марта, четв. 1 ч. ночи.

Из симфонического. Играли 9-ую симфонию Бетховена. Как будто целое событие в жизни². И тут Маруся. Какая она была краси-

¹ Это стихотворение (оставив пробел на месте имени «Маруся» и прибавив: «Вставьте имя: Вы знаете его. Этих стихов никому не показывайте») автор послал его вдохновительнице летом 1895 г. (РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 12. Л. 9).

² Два дня спустя Гершензон писал родным: «В четверг я случайно был в симфонич[еском] концерте: младший Гольденв[ейзер] аккомпанировал

вая строгой красотой в своем черном платье! Раскраснелась от жары. В субботу увижу у Гиршбергов. Она меня несомненно не любит; зачем же она так смотрит? Я ей нравлюсь или симпатичен — это верно; она сама хотела бы быть со мною ближе, но не может отчасти потому, что знает, что я люблю ее, отчасти по своему характеру, отчасти потому, что ее стесняет сестра. Да, Т. Б. сильно стесняет ее, и присутствием, а главное — самостоятельностью характера.

21 апр., пятн. 11 час. веч.

К чему слова? Рассудку непослушный,
Тебе вслед все сказал мой взор,
И я давно прочел свой приговор
В твоих очах; в улыбке равнодушной, —
К чему ж напрасный разговор?

И то, что в сердце мы таим глубоко,
Что взором мы друг другу говорим, —
Едва ли мы в словах передадим:
Я слишком горд и нелюдим, —
Я знаю: ты не так жестока.

28 апр. Пятн. 11 час. веч.

Любить — и женщине любимой
Не сметь свою поведать страсть,
И в час тоски неодолимой
Не сметь к ногам ее упасть,
Не сметь любимой девы руки
На миг к устам своим прижать,
Любить, томиться, и не знать,
Любим ли ты, — какие муки!

4 мая. Четв. 6 ч. дня.

Кто, любя, не ждал награды,
Без надежды жил,
Кто любил, любовь скрывая,
Только тот любил.
Только тот познал отраду
Вдохновенных грез,

и ему дали контрамарку. Исполнили только 3 пьесы, все Бетховена: Леонору, скрипичный концерт и 9-ую симфонию. Последняя так сильно подействовала на меня, точно событие в жизни; вчера я весь день был расстроен» (РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 45 об.).

Прелесть грусти сокровенной,
Сладость тайных слез.
Только тот, всю жизнь лелея
Первую любовь,
Не забудет до могилы,
Не полюбит вновь.

7 мая. Воскр. 12 час. веч.

На этой неделе я бывал у них ежедневно. Сегодня встретил их на бульваре, погулял с ними, потом зашел — выпил стакан чаю и в начале 10-го ушел. Она была нездорова и бледна; на обратном пути мы шли вместе и разговаривали. Ее лицо покрылось румянцем; она была так хороша и мила, что я был, так сказать, тронут. Я знаю, что нравлюсь ей теперь больше, чем когда-нибудь, и что она часто думает обо мне. Что она ответила бы мне? А она наверное уже приготовила ответ — ведь она знает.

В мыслях я всегда зову ее: дитя. В ней действительно так много детского, и когда она дурачится, как маленькая девочка, я совсем теряю голову. Иногда, при ней, на меня хлынет такая волна нежности, что я едва сдерживаюсь.

Когда она подает мне руку на прощание, мне так не хочется выпустить эту мягкую, теплую, милую руку! Она редко пожимает мою руку, но когда бывает недовольна мной, тот тотчас отнимает ее, а иногда, особенно в последнее время, не отнимает. Ей, может быть, жаль меня, едва ли она меня любит, но, кажется, ей приятно, когда я прихожу.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1906–1907 г.

Это чувство проходит три ступени: сначала без мысли острая боль зависти к чужому успеху, потом я говорю себе: ну что ж, он талантливее меня, я такой от природы, очень жаль, но разве я виноват; и затем я начинаю думать о больших и меньших талантах, и вдруг у меня сердце сжимается: позади всяких талантов я чувствую простую ценность человека, — и это — третья ступень; я сознаю, я знаю, что в деле вечных судеб и назначений человек стоит один, нагой, равноценный, все равно — Шекспир или человеческая песчинка какая-нибудь, какой-нибудь сарт, который сейчас едет бездумно мурлыча, низко свесив босые ноги по обоим бокам лошака.

Размышляя о смысле жизни, при помощи науки и мистической теории, развиваешь целую сложную систему, которая уже начинает удовлетворять, — но затем все сразу рушится, как только я трезво взгляну на дело. Я твердо знаю: смысл моей жизни не может быть иным, чем смысл жизни всего существующего. Вот Зорька¹ поймала муху и, раскусив ее, выбросила изо рта: я ничего не пойму, пока не пойму судьбу этой мухи. Ее смерть в своей незаметности еще поразительнее, чем обставленная такой внешней значительностью смерть человека. Но в сущности оба тождественны.

Чтобы правильно во всем объеме почувствовать вопрос своей жизни, я должен обнажить себя и вообразить себя затерянным в веках, песчинкой в пустыне, каким-нибудь киргизом, которого путешественник фотографировал лет сорок назад. Наши декорации — вся эта обстановка, профессия, успехи, симпатии — все это скрадывает остроту нашего истинного положения. Теперь я понимаю, почему я еще с ранней молодости жадно смотрел на изображения таких затерянных в пустыне человеческих песчинок, какого-нибудь дикаря в книге путешественника, и испытывал при этом такое глубокое и сладкое волнение, сам не понимая, почему: я тут подходил к самому существу жизни, я чувствовал дыхание вечности, так, как если приближаешься к морю и уже видишь издали его ширь и слышишь его дыхание. Это самое чувство — я назвал бы его космическим волнением — я испытываю теперь минутами, глядя на ворону, на фотографию какого-нибудь животного, вспоминая какой-нибудь горный ручеек в Альпах, неумолчно журчащий днем и ночью доньне. Это — глубокое инстинктивное чувство общности наших судеб.

Странно вот что: я непреложно ощущаю, что слава имеет органическую связь со смыслом бытия, что это — вещи одного порядка; мало того, я твердо знаю, что жгучую жажду понимания этого смысла может утолить только слава. Я здесь ничего не понимаю, да и не стараюсь понять, потому что это слишком глубоко для мысли, — она не достанет.

Мне 37 лет, а я все еще, как мальчик, сижу в этих вопросах, и мне страшно, что я так далек от положительного и так непохож на людей. Хочется ведь немного счастья.

Счастье, счастье! Может быть, если бы я его больше имел, не так бы мучил меня и тот вопрос.

¹ Собака Гершензона, черный шотландский сеттер.

Прекрасный день жизни перешел для меня за половину, а я и не увидел, как минули утро и полдень. Припоминаю — и не вспомню ни радостей безмятежных, ни часов уютного покоя. Все угловато и случайно в моем прошлом; я был как щепка на волнах и жил смутно, не озирая своего жизненного пути на далекое расстояние ни вперед, ни назад, а шел, повинуюсь дороге — глядя под ноги.

Но прошлого мне жаль только сердцем, не умом. В прошлом мне жаль только самого себя, а не человека; мне больно вспомнить часы страданий и безрадостные месяцы и годы, которые я прожил, мне горько, что благодаря этому прошлому я стал таким, каков есть — согнутый и некрасивый. Но для прошлого мне смысла не надо, не надо цели; для прошлого мне довольно причинности. Во мне живет неискоренимое сознание безусловной необходимости всего совершившегося; ретроспективно я в полном смысле слова фаталист; невозможно больше меня преклоняться пред судьбою.

Другое дело — будущее и все: тут мне мучительно даже подумать о фатализме; тут все во мне требует смысла и цели. Закон достаточного основания, совершенно удовлетворяющий меня в прошлом, возмущает меня в будущем, и, я думаю, это оттого, что мы — волевые существа, а для воли прошлое не существует; она вся обращена к будущему и в нем не хочет ни с кем делить власть.

Нам нужно решить очевидно два отдельных вопроса. Во-первых, нам нужно уяснить свое место в вечности или, как принято говорить, свое отношение к Богу. Во-вторых, нам нужно выработать какие-нибудь рациональные способы к установлению на земле справедливости, т.е. к решению социальной задачи, ибо зло и горе царят по всей земле. Но вот что мне кажется: эти два вопроса должны решаться отдельно друг от друга, потому что они и лежат в разных плоскостях: первый — в метафизической, второй — в материальной. Первый решается муками отдельных душ, второй — распространением знания и гуманных идей, законодательным почином и т.п.

Но между обоими вопросами бесспорно есть связь, — она в той общей почве, на которой произрастает все человеческое: в психике самого человека. Как хорошо и успешно работать может только тот мастерской, который вышел на работу здоровый и бодрый, так и общество лишь тогда водворит разумный строй, когда [на этом фрагмент обрывается]

Литература

Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Историографический сборник. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2000. Вып. 6. С. 85–120.

Гершензон М.О. Кризис современной культуры / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 232–248.

Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М.: Захаров, 2000. 286 с.

Гольденвейзер А.Б. Воспоминания / Сост. Е.И. Гольденвейзер, А.С. Скрябин, А.Ю. Николаева. М.: ДЕКА-ВС, 2009. 560 с.

Наставник: Александр Гольденвейзер глазами современников / Ред.-сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 518 с.

References

Antoshchenko A.V. Dissertatsii P.G. Vinogradova [Theses PG Vinogradov]. *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik* [World historian. Historiographical collection]. Вып. 6. Omsk, Publishing house of the Omsk State Univ., 2000, pp. 85–120. (In Russ.)

Gershenson M. O. Krizis sovremennoi kul'tury [The crisis of contemporary culture], publ. V. Proskurinoi i V. Alloia. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The Past. Historical Almanac], 1992, t. 11, pp. 232–248. (In Russ.)

Gershenson-Chegodava N.M. *Pervye shagi zhiznennogo puti (vospominaniia docheri Mikhaila Gershenzona)* [The first steps of the life path (daughter of Michael Gershenson memories)]. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 286 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vospominaniia* [Memories], sost. E.I. Gol'denveizer, A.S. Skriabin, A.Iu. Nikolaeva. Moscow, DEKA-VS Publ., 2009. 560 p. (In Russ.)

Nastavnik: Aleksandr Gol'denveizer glazami sovremennikov [Tutor: Alexander Goldenveizer through the eyes of his contemporaries], red.-sost. S.Ia. Levit. Moscow; Saint-Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaia kniga Publ., 2014. 518 p. (In Russ.)

From Mikhail Gershenson's Diary (1894–1895, 1906/1907)

Alexander Sobolev

Abstract: Fragments of the early diaries by Mikhail Gershenson (1869–1925), a writer and a historian, from his personal fund in the Collection of Manuscripts of the Russian State Library are published for the first time. The diary

of 1894–1895 reports his literary work, regular history studies, conversations with his tutor Prof. Pavel Vinogradov, the death of Alexander III, gives an idea of Moscow stage and musical life. The main topic of the diary is Gershenzon's musing on his feelings to Maria Goldenweiser (who later becomes his wife), a sister of his University school-fellow; the diary contains poems devoted to her. Gershenzon plans his studies in the XIXth century Russian literary history and social life, puts down his thoughts about the role of an individuality in the course of history and historical progress (a fragment of *Diary of the Madman*). The entry of 1906 (or, probably, 1907) is dedicated to existential and social musings over ones' mission in life.

Keywords: Mikhail Gershenzon, diary, Maria Goldenweiser, Gershenzon's poems, literary life at the turn of the XIXth – early XXth century.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com